

суспільством за свої рішення і дії. Особливої актуальності означена проблема набуває у зв'язку з тим, що органічний дефіцит відповідальності (притаманний не тільки правлячим суб'єктам, а й майже всім політичним акторам), яка б забезпечувала не лише дотримання зобов'язань, але й відплату за їх порушення та неправомірні вчинки, є доволі типовою рисою сучасної вітчизняної політики. Мета статті – визначити перспективи розвитку системи механізмів політичної відповідальності в процесі здійснення ефективного впливу. Реалізація цієї мети здійснюється завдяки розв'язанню таких дослідницьких завдань: виокремити й дослідити принцип відповідальності та суспільного розвитку й обґрунтувати їх значущість для пошуку моделі організації суспільного життя; розглянути вплив церковних інституцій на становлення консолідованої демократії, з'ясувати значення реалізації концепції суспільного розвитку як одного із елементів прав людини. Об'єктом дослідження виступає проблема відповідальності та суспільного розвитку. Автор використовує філософську методологію.

Ключові слова: моральна відповідальність, політична відповідальність, суспільний розвиток, соціальна справедливість.

Мельник Михаил. Ответственность политических игроков и общественное развитие. Исторический и международный опыт убедительно свидетельствует, что авторитетной, влиятельной и, главное, эффективной может быть только такая власть и соответственно такое управление, которые осуществляются на основе осознания и реализации ответственности – юридической (то есть установленной законом), исторической, политической и, наконец, моральной – перед обществом за свои решения и действия. Особую актуальность данная проблема приобретает в связи с тем, что органический дефицит ответственности (присущий не только правящим субъектам, но и почти всем политическим актерам), которая обеспечивала не только соблюдение обязательств, но и возмездие за их нарушение и неправомерные поступки, довольно типичной чертой современной отечественной политики. Целью статьи является определение перспектив развития системы механизмов политической ответственности в процессе осуществления эффективного воздействия. Реализация этой цели осуществляется благодаря решению следующих исследовательских задач: выделить и исследовать принцип ответственности и общественного развития и обосновать их значимость для поиска модели организации общественной жизни; рассмотреть влияния церковных институтов на становление консолидированной демократии, выяснить значение реализации концепции общественного развития как одного из элементов прав человека. Объектом исследования выступает проблема ответственности и общественного развития. Автор использует философскую методологию.

Ключевые слова: моральная ответственность, политическая ответственность, общественное развитие, социальная справедливость.

The article came to the editorial board 08.09.2016 r.

УДК 329.61

Денис Прошин

Феномен прекращения террористического насилия в исследовании Одри Курт Кронин: проблемы, решения и дальнейшие перспективы

В статье проведен критический анализ исследования, автором которого является крупный американский терролог Одри Курт Кронин. Рассматриваемое исследование посвящено феномену завершения террористических кампаний – его различным сценариям, причинам, параметрам и конкретным примерам. В целом работа Кронин является весомым вкладом в изучение сравнительно слабо изученного, но при этом весьма важного, как в теоретическом, так и в практическом плане, вопроса о специфике прекращения террористического насилия. В исследовании, построенном на богатом историческом материале, представлены ценные наблюдения и обобщения, касающиеся динамики террористических группировок, ее тенденций, форм и последствий; обозначены важные уроки, содержащиеся в различных эпизодах противоборства с террористами; опробованы некоторые методы работы с обширными базами данных. Однако, как показывает проведенный критический анализ, исследование Кронин, наряду с сильными сторонами имеет и ряд серьезных изъянов, способных, будучи оставленными без внимания, ощутимо снизить ценность этой, несомненно, заметной работы. К числу наиболее существенных из них относятся: проявляющаяся в ряде случаев нечеткость в понимании разницы между методами противодействия терроризму и сценариями завершения террористических кампаний; не всегда четкое понимание природы уже самих сценариев завершения террористических кампаний; игнорирование

постконфликтной стадии борьбы с терроризмом, в рамках которой, строго говоря, только и может произойти окончательное «закрытие» конфликта. В статье представлены соображения относительно путей и масштабов исправления выявленных изъянов, а также намечены возможные направления дальнейших исследований феномена прекращения террористического насилия.

Ключевые слова: терроризм, исследования терроризма, прекращение террористического насилия, сценарий прекращения террористического насилия, Одри Кронин, критика.

Постановка научной проблемы и её значение. Анализ исследований этой проблемы. Проблема террористического насилия уже в течение нескольких десятилетий вызывает повышенный интерес исследователей. Литература, посвященная ей, огромна. По данным Э. Силке, в мире только на английском языке каждые шесть часов публикуется одна книга о терроризме [цит. по: 1, с. 17]. Но несмотря на это, одно из наиболее важных измерений столь активно изучаемой проблемы – а именно вопрос о том, каким образом прекращается террористическое насилие, – не получает должного внимания.

Это не означает, что нет исследований, посвященных тому, как завершили свою деятельность отдельные террористические организации, или тому, какие последствия имели отдельные политические конфликты, составной частью которых были кампании террористического насилия [2–4]. Также регулярно появляются работы, в которых рассматриваются отдельные факторы и конкретные сценарии завершения (или попыток завершения) террористических кампаний: полномасштабное применение правительством вооруженной силы [5]; точечная ликвидация лидеров террористических организаций [6]; переговоры с террористами [7]. Однако и упомянутые, и другие, им подобные, разнотипные сочинения не дают четкого понимания того, что представляет собой завершение террористического насилия как самостоятельная фаза политического конфликта, как целостный политический феномен. Налицо дефицит комплексных работ, посвященных прекращению террористического насилия. Наиболее полный на сегодняшний день анализ этого феномена содержится лишь в нескольких крупномасштабных исследованиях [8–10]. (В некоторых случаях вопрос о специфике прекращения террористического насилия как целостного явления рассматривается в качестве дополнения к главной теме или как тема заключительного раздела, как своего рода «сноска», что, естественно, не снимает большинства основных вопросов [11–13].)

Итак, феномен завершения террористического насилия остается изученным далеко не полностью. Это не только представляет собой академический пробел, но и обедняет тот практический вклад, который ученые могли бы внести в решение проблемы терроризма. Естественно, что главным практическим посылом в изучении данной проблемы является обеспечение адекватного понимания природы террористической угрозы и создание интеллектуальных предпосылок для принятия информированных и взвешенных решений в противостоянии ей. И следует помнить, что без всестороннего изучения завершающей фазы противоборства с террористами эта задача не может быть решена удовлетворительно.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Но даже те немногие систематические работы, которые появились в данной области, обнаруживают существенные изъяны. Здесь это будет продемонстрировано на примере трехсотстраничного исследования Одри Курт Кронин (Audrey Kurth Cronin) «Как заканчивается терроризм: Исследуя упадок и угасание террористических кампаний» (How Terrorism Ends: Understanding Decline and Demise of Terrorist Campaigns), впервые опубликованного издательством Принстонского университета в 2009 г. [9]. Однако предлагаемая статья не является стандартной рецензией. Обращаясь к работе Кронин, получившей в высшей степени положительные отзывы, названной «уникальной» и заслуживающей внимания как ученых, так и государственных деятелей [14; 15], мы предпринимаем попытку не только обозначить ее сильные и слабые места, но и проанализировать те вопросы, которые возникают перед исследователями финальной стадии террористического насилия и остаются без должного ответа даже в масштабных исследованиях, не говоря уже о узкотематических работах.

Кронин, в настоящее время – профессор Школы политических, правительственных и международных исследований в Университете Джорджа Мэйсона (Вирджиния, США), является автором трех книг по проблемам терроризма и борьбы с ним (включая рассматриваемую здесь работу), десятков научных статей, официальных отчетов, аналитических записок и пр. (творческая биография и перечень работ: [16]; профиль в LinkedIn: [17]). Многие их ключевых идей Кронин изложены в ее выс-

туплениях, доступних онлайн, – причем некоторые из них прозвучали на таких престижных «площадках», как Совет Карнеги по проблемам этики в международных отношениях и Центр новой американской безопасности [18–21]. Можно сказать, что в сфере исследований терроризма, в которой ведущие позиции прочно удерживают мужчины (Б. Дженкинс, У. Лакер, Д. Рапопорт, П. Уилкинсон, Б. Хофман, А. Шмит и др.), Кронин вплотную приблизилась к тому, чтобы разделить привилегированное место с единственной исследовательницей-«классиком» – М. Креншо.

Работа, анализу которой посвящена данная статья, продолжает (и в известном смысле завершает) линию, намеченную Кронин в ряде публикаций, появившихся с середины 2000-х гг. [22–24]. Как уже было сказано, это масштабное исследование получило самые лестные отзывы. Что касается критических оценок, то, имея дело с практически безбрежной литературой по проблемам терроризма, рискованно утверждать, что капитальный труд Кронин никогда не подвергался критике. С другой стороны, несмотря на все старания (а также несмотря на то, что труд Кронин содержит серьезные погрешности), нам не удалось обнаружить никаких признаков подобной критики.

Главные теоретические и практические цели своего исследования Кронин обозначает уже в начальных его строчках: «В этой книге детально рассматриваются заключительные фазы террористических кампаний, что позволяет создать теоретическую схему, объясняющую повторяющиеся сценарии, общие элементы и ключевые факторы, обуславливающие завершение этих кампаний. ...Объективный анализ исторического опыта окончания террористических кампаний способен помочь наилучшим образом организовать противодействие [терроризму]» [9, с. 1]. Кронин полагает, что ее исследование способно приблизить победу над «Аль-Каидой», и посвящает этому вопросу отдельную главу («Конец “Аль-Каиды”: Релевантность и иррелевантность исторического опыта») [9, с. 167–196].

Стремление опереться на исторический опыт – одно из безусловных достоинств работы Кронин. В настоящее время исследователи терроризма разделены (помимо всего прочего) дискуссией о том, произошла ли в 1990-е гг. трансформация, в результате которой террористическое насилие обрело качественно новые формы и стало более жестоким и фанатичным. Многие сторонники парадигмы «старого/нового терроризма» утверждают, что опыт, накопленный за десятилетия борьбы со «старым» терроризмом, практически бесполезен (если не вреден) в противодействии терроризму «новому». Ирония заключается в том, что рассуждения о беспрецедентности «новой» террористической угрозы и сопутствующие им предложения не углубляются в изучение «бесполезного» исторического опыта во многом обусловлены именно слабым знанием истории терроризма и, соответственно, неспособностью объективно оценить особенности последних (по времени) проявлений террористического насилия и определить степень их качественной новизны.

На таком фоне работа Кронин, имеющая под собой солидную фактическую основу, производит самое выгодное впечатление. В своем исследовании Кронин пользовалась базой данных Мемориального института предотвращения терроризма (МИПТ), которая (до своего закрытия) охватывала период с 1968 г. по 2008 г. и содержала информацию о деятельности сотен вооруженных организаций (873 к концу 2006 г. – ко времени, когда Кронин начала свои изыскания) [9, с. 208]. Непосредственно исследование охватывает 457 антиправительственных группировок, чья деятельность была признана Кронин соответствующей определению терроризма. Но и после такого сокращения база данных Кронин шире ей подобных, использовавшихся в двух других – вышеупомянутых – масштабных исследованиях проблемы завершения террористических кампаний.

Обработка столь обширного массива данных позволила Кронин сделать ряд интересных обобщений относительно 1) средней продолжительности существования террористических группировок (8 лет [9, с. 212]); 2) политической эффективности их деятельности (по оценкам Кронин, лишь 6,4 %, или 29, группировок достигли «полного» или «значительного» успеха); 3) роли и места переговоров с террористами в общей картине завершения террористических кампаний (лишь 17,8 % от общего количества группировок (81 группировка) в той или иной форме вступали в переговоры с властями; с другой стороны, около трети группировок, вступивших в переговоры, полностью или частично достигли своих стратегических целей, тогда как из группировок, не вступавших в переговоры, подобного успеха добилось меньше 10 % [9, с. 216–217]); 4) прямой зависимости между возрастом террористической группировки и вероятностью ее вступления в переговоры с властями (средний возраст группировок, вступивших в переговоры с правительством, по данным Кронин, составляет 22 года, группировок же, отвергших или отвергающих переговоры, – 11 лет [9, с. 213]).

Однако, по собственному признанию Кронин, главная цель ее исследования — понять, чем обуславливается и какие формы приобретает завершение террористических кампаний, чтобы в дальнейшем поставить это понимание на службу противодействию террористам. Именно с этой точки зрения следует в первую очередь оценивать проделанный Кронин труд.

Кронин выделяет шесть сценариев (patterns) окончания террористических кампаний: 1) «обезглавливание» группировки (т. е. ликвидация или арест ее руководства); 2) переговоры между террористами и властями; 3) достижение террористами успеха; 4) ослабление и развал группировки (failure); 5) разгром группировки; 6) «реориентация» группировки (криминализация ее действий или их перерастание в партизанскую или даже конвенциональную войну).

Даже поверхностное ознакомление со структурой исследования Кронин может вызвать сомнения относительно корректности используемых ею критериев классификации. В качестве самостоятельных вариантов завершения террористических кампаний рассматриваются эпизоды, которые не демонстрируют целостности и завершенности, ожидаемых от особых сценариев развития событий. Так, первую главу Кронин посвящает «обезглавливанию» террористических группировок. Утрата руководства способна резко ослабить террористов, приблизить их поражение или каким-то еще образом повлиять на них, однако само по себе «обезглавливание» остается при этом лишь средством, но отнюдь не самодостаточным сценарием. Как и всякое средство, оно применяется с разной эффективностью, что порождает вопрос о том, чем степень его эффективности обуславливается в том или ином случае. Объективности ради нужно сказать, что Кронин предлагает ответ на этот вопрос [9, с. 32]. Но еще важнее отметить, что Кронин, неожиданным образом, признаёт, что «обезглавливание» не срабатывает в отрыве от других методов и, следовательно, входит в другие, более широкие сценарные контексты [9, с. 32]. Это признание не только не снимает высказанных возражений, но и делает их еще острее, поскольку выясняется, что Кронин либо не осознаёт, что создаваемая ею концептуальная схема изначально искажена, либо не видит в таком искажении серьезной проблемы.

«Обезглавливание» может в конечном итоге оказаться частью различных сценариев завершения террористической кампании: разгрома группировки, ее дезинтеграции, ее превращения в сугубо криминальное образование. Это в известном смысле относится и к переговорам, которые Кронин тоже называет особым сценарием и которые, однако, образуют лишь рамку — форматирующую завершение конфликта, если они оказываются результативными, или же очерчивающую один из этапов конфликта, если они срываются. Нет нужды повторять уже сказанное о такой неточности или небрежности. Следует лишь добавить, что теме переговоров — якобы как отдельному сценарию — Кронин уделяет непропорционально большое (если принять высказанные выше замечания) внимание: 37 из 206 страниц, или почти пятую часть основного текста своей работы.

Дальнейшее ознакомление с исследованием показывает, что серьезные изъяны присутствуют в нем и в тех случаях, когда обозначенные Кронин сценарии в точности отражают действительность. Весьма показательными здесь являются рассуждения Кронин об ослаблении и развале террористических группировок [9, с. 94–114].

В отличие от разгрома, т. е. силовой ликвидации антиправительственного формирования, сопровождающейся физическим уничтожением, арестом или бегством большинства его членов, развал представляет собой более «плавный», инкрементальный процесс, в котором сочетаются давление со стороны правительства, снижение (или отсутствие) поддержки со стороны населения, разочарование самих боевиков в достижении поставленных целей и т. д. Разумеется, развал террористических группировок всегда сопровождается применением к ним силовых методов, но все же прекращение террористического насилия обуславливается здесь в первую очередь не серией сокрушительных ударов, а постепенным истощением ресурсов боевиков и сужением круга их возможностей.

В широких рамках данного сценария Кронин выделяет две разновидности факторов ослабления и распада террористических группировок [9, с. 111]. Первая из них — факторы главным образом внутригрупповой природы: неспособность группировки эффективно перейти от одного поколения боевиков к другому; дробление на фракции и междоусобицы; утрата группировкой управляемости; «дезертирство» членов группировки, принимающих предложенную властями амнистию и пр. Вторая разновидность — факторы преимущественно внешние: устаревание идеологии, которой придерживается группировка; утрата поддержки со стороны населения; ошибки в определении целей, приводящие к политической изоляции группы.

По мере того, как Кронин переходит от одного фактора к другому, формируется на первый взгляд полная и целостная картина. Однако, по сути своей, она статична, а ее кажущаяся целостность представляет собой механическую, чисто количественную агрегацию рассматриваемых по отдельности «кейсов». Перечисляя причины ослабления и развала террористических группировок или иллюстрируя действие этих причин примером той или иной группировки, Кронин практически не рассуждает о том, как эти причины сочетаются, «перетекают» одна в другую, взаимообуславливают или усиливают друг друга. Ничего не говорится и о частоте, с которой проявляет себя та или та причина. Более того, Кронин не пытается определить, как вероятность внутреннего ослабления и распада террористических группировок зависит от характера конфликтов, порождающих террористическое насилие. Иными словами, результатом проделанной Кронин работы оказывается не столько комплексное раскрытие природы данного сценария, сколько своего рода «каталог» или «коллекция» фактов.

Одной из объективных причин такой схематичности можно считать качественное разнообразие факторов упадка и дезинтеграции террористических группировок. Некоторые из них сами по себе достаточно сложны, чтобы стать предметом отдельных исследований [7; 25; 26]. Выход на более высокий уровень обобщения здесь потребовал бы значительно больше внимания и места, чем Кронин могла позволить себе в монографии, посвященной одновременно нескольким масштабным вариантам завершения террористических кампаний. Но в случае с другим сценарием – разгромом террористических группировок – Кронин работает с более однородным материалом, и здесь ее выводы отличаются заметно большей глубиной [9, с. 115–145].

Как и везде в своей книге, в качестве отправной точки Кронин использует отдельно взятые, и очень далекие друг от друга, исторические «кейсы» – разгром «Народной воли» в царской России в 1880-х гг., «Братьев-мусульман» в Египте в 1950-х гг., «Тупамарос» в Уругвае в 1970-х гг. и т. д. С другой стороны, собственно «механизм» разгрома террористических группировок намного проще, грубее и единообразнее, чем совокупность факторов и мотивов (материальных, политических, психологических; коллективных или индивидуальных), приводящих к постепенной деградации антиправительственных формирований. Какими бы ни были по своей природе конфликты, завершающиеся разгромом террористов, какими бы ни были предпосылки такого исхода, разгром остается результатом непосредственного физического противостояния сторон. «Механизм» такого сценария – это механизм силового сокрушения противника.

Кронин четко обозначает мотивы (называя их «естественными» и даже «инстинктивными»), обуславливающие применение государствами своего репрессивного аппарата к террористам; соотносит логику применения правительством силы к своим противникам с логикой террористических стратегий (одной из целей террористов является именно провоцирование государства на предельно жесткие ответные шаги с прицелом на последующую дискредитацию правящего режима); и, как следствие, выходит на одну из важнейших проблем противодействия терроризму – проблему выбора адекватного уровня применяемой силы [9, с. 115–117, 141–145].

В то же время, если подход Кронин к деградации и распаду террористических группировок демонстрирует явный перекося в сторону разбора отдельных факторов и «кейсов», то ее трактовка разгрома террористов оказывается излишне обобщенной. Как уже было сказано, разгром действительно представляет собой сравнительно «прямолинейный» сценарий. И все же, рассуждая о силовом решении проблемы терроризма, исследователь не должен упускать из виду (как это фактически делает Кронин) целый ряд градаций, содержательных и формальных особенностей, наблюдающихся в данной плоскости.

Прежде всего, из написанного Кронин можно сделать вывод, что разгром террористических группировок всегда представляет собой результат неограниченных репрессий. Факты, однако, свидетельствуют об обратном. Террористические формирования прекращают свое существование и в результате тщательно выверенных ударов. Кронин проявляет особый интерес к негативным последствиям неумеренного применения силы в противодействии террористам, но проходит мимо вопроса о том, что позволяет ликвидировать террористические группировки, не прибегая к драконовским мерам, не подрывая тем самым авторитет правящего режима и тем более не соскальзывая к авторитарным порядкам. Без должного внимания к обеим сторонам проблемы – неумеренного и адекватного применения репрессий – наше понимание специфики силового сценария будет далеко не полным.

Кроме того, Кронин представляет использование избыточной силы в противодействии террористам исключительно как отличительный признак авторитарных (или скатывающихся к авторитаризму) режимов. Кронин не говорит об этом прямо, но из ее логики неизбежно следует, что

примеры излишней жесткости демократических режимов, борющихся с террористами, – не более чем «эксцессы», «отклонения» или единичные «ошибки». Однако при внимательном изучении вопроса такая апологетическая схема обнаруживает свою ошибочность. Частота, с которой наблюдаются «эксцессы» или «отклонения», их продолжительность и масштабы, а также регулярное повторение нескольких схожих сценариев дают основание говорить не столько о случайных сбоях, сколько о наличии стандартных ситуаций, в рамках которых, вопреки утверждениям о присущей демократии умеренности в использовании насилия, демократические правительства с высокой степенью вероятности могут применить против своих вооруженных противников избыточную силу.

Рассуждая о методах ликвидации террористических группировок (и вообще – о силовом противодействии террористам и связанных с ним проблемах), следует, помимо прочего, учитывать неоднозначную природу демократических режимов; их разновидности (существование наряду с развитыми устойчивыми демократиями и т. н. «нелиберальных демократий»); факторы, способные подтолкнуть к применению чрезмерной силы даже устойчивые «настоящие» демократии [27–30]. Это заметно усложнит схематичную черно-белую картину (демократия – авторитаризм), но позволит лучше понимать риски, связанные с применением силы в борьбе с терроризмом.

Наконец, сосредоточивая внимание на завершении террористических кампаний, Кронин практически игнорирует постконфликтные стадии противостояния. Объективности ради нужно заметить, что это характерно и для других уже упоминавшихся здесь работ, посвященных сценариям прекращения террористического насилия. К примеру, Л. Уайнберг собирательно обозначает рассматриваемые им сценарии как «the end of the affair» («развязку») [10, с. 15], что весьма неточно. Даже если террористическая группировка исчезает в результате разгрома, победа над ней оставляет открытыми (или даже порождает) серьезные проблемы, от решения которых зависит, насколько последовательными будут прекращение насилия и реабилитация общества, столкнувшегося с террористическим вызовом [30]. Кронин ограничивается указанием на то, что неумеренное применение силы в ходе ликвидации террористических формирований может дискредитировать правительство, создать почву для рецидивов конфликта и в итоге – принести властям «пиррову победу» [9, с. 141]. Однако эти поверхностные замечания не могут заменить систематического рассмотрения всей совокупности уже постконфликтных сценариев.

Редкие примеры успеха террористических группировок также требуют внимательного рассмотрения постконфликтной стадии противостояния. Кронин пишет о тех случаях, когда «террористическим организациям удается достичь своих основных целей, что позволяет их лидерам провозгласить победу и распустить организации (или прийти к власти)» [9, с. 82]. В действительности же «успехи» террористов оказываются успехами коалиций антиправительственных сил, в которых собственно террористические формирования играют в лучшем случае роль исполнителя политических решений лидеров оппозиции или вовсе представляют собой маргинальные элементы, не столько способствующие победе, сколько отдаляющие ее своими провокационными действиями. В таком контексте рассуждения о «приходе к власти» лидеров террористов должны быть очень осторожными [32]. Особенно важно то, что четкое понимание удельного веса террористических группировок в антиправительственном лагере помогает избежать ошибочных шагов в урегулировании острых политических конфликтов (демонизации всех борющихся с правительством сил, в том числе и умеренных, как террористов; выбора в пользу наиболее жестких из доступных методов как «адекватного ответа» на террористический вызов и т. п.). Во многих (если практически не во всех) случаях подобные шаги ведут не к скорейшему завершению конфликта, а к его разрастанию, появлению новых жертв, новых политических счетов, подозрительности и, наконец, почвы для рецидивов насилия в тех случаях, когда конфликт на первый взгляд удастся погасить жесткими насильственными методами.

Монография Кронин отмечена и некоторыми другими изъянами, однако исчерпывающий их анализ требует значительно большего места (или нескольких статей, связанных одной общей темой).

Вывод. Завершая же этот критический очерк, нужно подчеркнуть следующее.

Во-первых, автор не ставил перед собой цели «развенчать» Кронин (для сравнения см.: [33]). И замысел исследования Кронин, и собранный ею материал, и использованные ею методы, и многие из сделанных ею наблюдений и выводов представляют немалый теоретический и практический интерес.

Во-вторых, именно потому, что исследование Кронин, несмотря на обозначенные (или оставшиеся за рамками) изъяны, представляет собой заметную веху в изучении терроризма, его слабости вызывают особое смешанное чувство сожаления и некоторого разочарования, – чувства, которое

проистекает от «обманутых надежд» и которым подпитывается высказанная здесь «дружественная критика».

Наконец, «в-третьих». Прозвучавшая критика по вполне понятной причине не окажет никакого влияния на дальнейшую работу Кронин и ее американских коллег. Но хотелось бы, чтобы для отечественных авторов, на которых прежде всего и рассчитана представленная статья, изложенные здесь соображения послужили пищей для дальнейших размышлений и самостоятельных исследований – тем более, что изучение терроризма в украинской политической науке пока еще остается в зачаточной стадии.

Источники и литература

1. Ranstorp M. Mapping terrorism studies after 9/11 / M. Ranstorp // *Critical Terrorism Studies: A New Research Agenda* / [R. Jackson, M. Smyth, J. Gunning et al. ; ed. by R. Jackson et al.]. – Abingdon : Routledge, 2009. – 274 p.
2. *Terrorism in Context* / [M. Crenshaw, M. Miller, Ph. Pomper et al. ; ed. by M. Crenshaw]. – University Park : The Pennsylvania University, 2007. – 633 p.
3. *Democracy and Counterterrorism: Lessons from the Past* / [R. Solomon, R. Art, L. Richardson et al. ; ed. by R. Art and L. Richardson]. – Washington : United States Institute of Peace, 2007. – 639 p.
4. *Terror, Insurgency, and the State: Ending Protracted Conflicts* / [J. Tirman, B. O’Leary, M. Heiberg et al. ; ed. by M. Heiberg, B. O’Leary and J. Tirman]. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2007. – 499 p.
5. Hughes G. *The Military’s Role in Counterterrorism: Examples and Implications for Liberal Democracies* / G. Hughes. – Carlisle, PA : Strategic Studies Institute, 2011. – 204 p.
6. Price B. *Targeting Top Terrorists: How Leadership Decapitation Contributes to Counterterrorism* / B. Price // *International Security*. – 2012. – Vol. 36. – N 4. – P. 9–46.
7. *Engaging Extremists: Trade-Offs, Timing, and Diplomacy* / [W. Zartman, G. Faure, M. Khan et al. ; ed. by W. Zartman and G. Faure]. – Washington : United States Institute of Peace, 2011. – 311 p.
8. Jones S. *How Terrorist Group End: Lessons for Countering al Qaeda* / S. Jones, M. Libicki. – Santa Monica : RAND Corporation, 2008. – 225 p.
9. Cronin A. *How Terrorism Ends: Understanding the Decline and Demise of Terrorist Campaigns* / A. Cronin. – Princeton : Princeton University Press, 2009. – 311 p.
10. Weinberg L. *The End of Terrorism?* / L. Weinberg. – Abingdon : Routledge, 2012. – 156 p.
11. Crenshaw M. *Explaining Terrorism: Causes, processes and consequences* / M. Crenshaw. – Abingdon : Routledge, 2011. – 268 p.
12. Gupta D. *Understanding Terrorism and Political Violence* / D. Gupta. – Abingdon : Routledge, 2008. – 283 p.
13. Marsden S. *How Terrorism Ends* / S. Marsden // *Terrorism and Political Violence* / [C. Kennedy-Pipe, G. Clubb, S. Mabon et al. ; ed. by C. Kennedy-Pipe, G. Clubb, and S. Mabon]. – London : SAGE Publications Ltd., 2015. – P. 199–225.
14. *How Terrorism Ends: Understanding the Decline and Demise of Terrorist Campaigns* [Electronic resource] / reviewed by M. Abrahms. – Access mode : <http://www.meforum.org/2797/how-terrorism-ends>
15. *How Terrorism Ends: Understanding the Decline and Demise of Terrorist Campaigns* [Electronic resource] / Cheryl Graham. – Access mode : <http://jtr.st-andrews.ac.uk/articles/10.15664/jtr.170/>
16. Audrey Kurth Cronin Curriculum Vita [Electronic resource]. – Access mode : <http://spgia.gmu.edu/faculty-staff/faculty/audrey-kurth-cronin/audrey-kurth-cronin-curriculum-vita/>
17. Audrey Kurth Cronin, Distinguished Service Professor, School of Public Policy, George Mason University [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.linkedin.com/in/audrey-kurth-cronin-4b907417>
18. Audrey Kurth Cronin: Counterterrorism Won’t Work Against ISIS [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=3xDdnAoMTHY>
19. Audrey Kurth Cronin discusses the Arab Spring, counterterrorism policy, and the end of Al Qaeda [Electronic resource]. – Access mode : https://www.youtube.com/watch?v=Cp_IXhuMPCo
20. CNAS 2015 Annual Conference – A Better Strategy for Fighting ISIS [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=xhQV6N4eTw0>
21. *How Terrorism Ends – Part I* [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=OmKq17bw2-k>
22. Cronin A. *Ending Terrorism: Lessons for Defeating al-Qaeda* / A. Cronin. – London : Adelphi Papers, 2008. – 85 p.
23. Cronin A. *How al-Qaeda Ends: Decline and Demise of Terrorist Groups* / A. Cronin // *International Security*. – 2006. – Vol. 31. – N 1. – P. 7–48.

24. Cronin A. Negotiating with groups that use terrorism: Lessons for policy-makers [Electronic resource] / A. Cronin. – Access mode : http://www.hdcentre.org/uploads/tx_news/91AudreyKurth-CroninNegotiatingwithgroupsthatuseterrorism.pdf
25. Crenshaw M. Theories of Terrorism: Instrumental and Organizational Approaches / M. Crenshaw // Inside terrorist organizations / [D. Rapoport, M. Crenshaw, R. Crelinsten et al. ; ed. by D. Rapoport]. – London : Frank Cass, 2001. – 273 p.
26. Shapiro J. The Terrorist's Dilemma: Managing Violent Covert Organizations / J. Shapiro. – Princeton : Princeton University Press, 2013. – 335 p.
27. Zakaria F. The Rise of Illiberal Democracy / F. Zakaria // Foreign Affairs. – 1997. – Vol. 76. – N 6. – P. 22–43.
28. Прошин Д. В. Неліберальна демократія та надмірна сила в протидії тероризму (на прикладі Перу та Шрі-Ланки) / Д. В. Прошин // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Серія : Філософія. Соціологія. Політологія. – 2015. – № 1 (23) – С. 169–175.
29. Прошин Д. В. Демократия и применение избыточной силы в противодействии терроризму / Д. В. Прошин // Zbiór Raportów Naukowych: Nauka, Problemy, Osiągnięcia, Innowacyjność, Praktyki, Teoria. – Łódź, 2015. – 29–30.04. – Część 6. – S. 41–44.
30. Proshyn D. Slipping Off the Edge: How and Why Democratic Regimes Fall Into Excess in Their Fight Against Terrorism / D. Proshyn // International Letters of Social and Humanistic Sciences – 2016. – Vol. 68. – P. 49–54.
31. Прошин Д. В. Перемога над терористами та її наслідки: параметри, ризики та можливості післяпереможної стадії протидії тероризму / Д. В. Прошин // Вісн. Львів. ун-ту. Серія : Філософсько-політологічні студії. – 2016. – Вип. 8. – С. 145–153.
32. Прошин Д. В. Постконфликтные траектории террористических организаций в случае победы антиправительственных сил: предпосылки, параметры, тенденции / Д. В. Прошин // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия : История и политология. – 2015. – № 19 (216). – Вып. 36. – С. 183–190.
33. Прошин Д. В. Волны на мелководье: критика волновой теории трансформации терроризма / Д. В. Прошин // Ученые зап. Тавр. нац. ун-та. – 2014. – Вып. 27 (66). – № 1. – С. 261–269.

Прошин Денис. Феномен завершення терористичного насильства в дослідженні Одрі Курт Кронін: проблеми, рішення та подальші перспективи. У статті здійснено критичний аналіз дослідження, автором якого є відомий американський теролог Одрі Курт Кронін. Розглянуте дослідження присвячене феномену завершення терористичних кампаній – його різноманітним сценаріям, причинам, параметрам та конкретним прикладам. Загалом робота Кронін є вагомим внеском у вивчення порівняно малодослідженого, проте дуже важливого, і з теоретичного, і з практичного погляду, питання про специфіку припинення терористичного насильства. У дослідженні, побудованому на багатому історичному матеріалі, представлено цінні спостереження та узагальнення щодо динаміки терористичних угруповань, її тенденцій, форм і наслідків; окреслено важливі уроки, які можна винести з різних епізодів протиборства з терористами; випробувано деякі методи роботи з обширними базами даних. Однак, як засвідчує проведений критичний аналіз, дослідження Кронін поряд із сильними сторонами має й чимало серйозних вад, які у разі нехтування ними здатні відчутно знизити цінність цієї, безперечно, помітної роботи. До найбсуттєвіших із них належать: інколи нечітке розуміння різниці між методами протидії тероризму та сценаріями завершення терористичних кампаній; не завжди чітке розуміння природи самих сценаріїв завершення терористичних кампаній; ігнорування постконфліктної стадії боротьби з тероризмом, у межах якої, власне кажучи, тільки й може відбутися остаточне «закриття» конфлікту. У статті подано міркування щодо способів та масштабів виправлення позначених вад, а також окреслено можливі напрями подальшого дослідження феномену припинення терористичного насильства.

Ключові слова: тероризм, вивчення тероризму, припинення терористичного насильства, сценарії припинення терористичного насильства, Одрі Кронін, критика.

Proshyn Denys. The Phenomenon of the End of the Terrorist Violence in the Research of Audrey Kurth Cronin: Problems, Solutions, and Further Perspectives. The article contains a critical analysis of the book authored by the influential American expert on terrorism Audrey Kurth Cronin. The analyzed book is devoted to the phenomenon of the end of terrorist campaigns – various scenarios, causes, parameters, and concrete examples. In general, Cronin's monograph represents a considerable contribution to the study of the relatively under-researched yet very important, both theoretically and practically, issue of the end of terrorist violence. The reviewed monograph, which is based on the rich historical material, presents valuable observations and conclusions regarding the dynamics of terrorist groups, its trends, forms, and consequences; outlines important lessons drawn from different episodes of fighting terrorists; suggests certain methods of working with large databases. However, as the critical analysis demonstrates, along with its strengths, Cronin's research is marked by substantial weaknesses, which, if left without

proper attention, could tangibly decrease the value of this arguably noteworthy work. Among the most serious of them are: sometimes blurred understanding of the difference between methods of fighting terrorism and scenarios of how terrorist campaign end; not always clear understanding of the nature of these scenarios themselves; the neglect of a post-conflict stage of the struggle against terrorists which is, strictly speaking, when a conflict could reach its final «closure». The article puts forward certain suggestions regarding ways and scale of correcting abovementioned deficiencies and marks direction for the further study of the phenomenon of the conclusion of terrorist violence.

Key words: terrorism, study of terrorism, end of terrorism violence, scenarios of the end of terrorist violence, Audrey Kurth Cronin, criticism.

Стаття надійшла до редколегії 19.07.2016 р.

УДК 327.56(477+470+571)

Наталія Ротар

Автономна Республіка Крим як цільова аудиторія впливу російського імперського націоналізму

У статті визначено особливості Автономної Республіки Крим як цільової аудиторії впливу російського імперського націоналізму. Доведено, що найбільш чутливими до його ідеологем були етнічна самоідентифікація, сприйняття та оцінка статусу АРК як частини України, регіональна самоідентифікація, у якій відбулося накладання регіонального та етнічного вимірів соціальної ідентичності. Установлено, що попри те, що у період 1991–2014 рр. частка населення Криму, яка вважала, що він повинен бути автономною республікою (областю) в складі України, збільшувалася, майже половина кримчан була переконана в потребі приєднання півострова до Росії. Саме ця частина населення Криму стала тією цільовою аудиторією російського імперського націоналізму, яка не тільки виступала в ролі реципієнта інформації, а й активними діями сприяла поширенню ідеї виходу Криму зі складу України для приєднання до РФ. Обґрунтовано, що формування й актуалізація певних характеристик кримської спільноти, які згодом були використані російським імперським націоналізмом у реалізації своїх геополітичних стратегій, відбувалося під впливом розгортання дискурсу «повернення Криму» в російській політиці.

Ключові слова: Автономна Республіка Крим, російський імперський націоналізм, цільова аудиторія політичного впливу, ідентичність, регіональна самоідентифікація.

Постановка наукової проблеми та її значення. Проблемам націоналізму – етнічного та політичного – в сучасній політичній науці присвячено чимало наукових досліджень, оформлених у наукові школи та напрями. У нашому дослідженні, метою якого є визначення механізмів, стратегій та цілей російського націоналізму в Автономній Республіці Крим у 1991 – 2014 рр., поняття *російський націоналізм* використовують у смислах, закладених Емілем Паїним («імперський націоналізм» як поєднання націоналізму та імперської свідомості [1; 2]) та операціоналізованих колективом норвезьких дослідників під керівництвом Хельге Блаккісурда [3]. Можливість використання категорії «імперський націоналізм» стосовно російського націоналізму в Криму підтверджується й зрізом масової свідомості росіян, серед яких тільки 16 % вважає, що кордони України як незалежної держави повинні бути такими, якими були у 1991 р., на момент руйнування СРСР; 30 % дотримується думки, що Україна може бути незалежною в кордонах 1991 р., але без Криму; 15 % – без Криму та Донбасу; 11 % росіян переконані, що тільки Західна Україна має утворювати незалежну Україну, а 11 % стверджує, що жодна частина України не може мати незалежності (тобто заперечують можливість існування України як незалежної країни) [4].

Визначення суті російського націоналізму як імперського дає змогу, по-перше, вийти за межі аналізу російського націоналізму як ідеології «внутрішньополітичного призначення»; по-друге, актуалізувати й використати ідеї Р. Брубейкера щодо суті та політичного потенціалу національної меншини та її зв'язку з «зовнішньою національною спорідненою державою». Науковець доводить, що національна меншина не просто «група», виокремлена під час аналізу фактів етнічної демографії, а динамічна політична установка, або, висловлюючись більш точно, сукупність пов'язаних та взаємно конкуруючих установок, а не статичних етнодемографічних умов» [5, с. 155]. Тобто національна